

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник–четверг 9.00-20.00
Суббота, воскресенье 12.00-20.00
Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

РАССКАЗ

БЫЛО ТРИ БРАТА

У Прасковьи Карповны появился пострадавший.

— Говорят, за песнями из Москвы приехал... — поговаривали соседки.

— Какими песнями? Затем они ему?

— По ученой линии он. Вот ты будешь петь, а он — чикчи! — в машинку твой голос, в этот самый... патефон.

— Магнитофоном он теперь называется.

Между тем студент Московского университета Андрей Прасковыч непрерывно рассказывал по горячие и распирал хохляк у дома о жительстве.

— Какие там ваши дела, — отвечала Прасковья Карпова. — На пенькою вот вышла. Но колхозу помогала.

— Ну, а как с песнями? Постор? Клуб есть?

Хохляк весело взглянула на собеседника.

— Песенников у нас много. Село голосистое. Выйдешь во двор: поют и там... и у селеного двора — привнес под гармошку...

И частушки поют?

— Плюют и частушки. — Прасковья усмехнулась. — Совсем недавно Евгения так прогулялся по деревне, что частушку эту самую, что занялась стадом.

— Это какого Евгения?

— Да бригадира нашего. Комсомолец поход на сенокос сбывался. Вспыхли на субботник. А он, бригадир, не сумел организовать бригаду.

Студент сунул ей в улыбке газету.

Что же это? — Плакала здравствуетася около пены я, виновато окунув гости взглядом, заговорила: — Ты уж, Толя, прости меня... Ты тут...

— Ничего, Прасковья Карпова, — подбодрил ее студент.

— Вызвалася я с бабами прошо сушить-весьт. Пойди я, а то напарнице моей не подруги...

Когда хохляк вышла, студент доложил еще холода в зале горячие скрестила на руки. Потом он вышел во двор, накинул на деревянную петлю крючок и защелкал вольно чисток на огород. Узенькая стежка, заросшая лебедкой и подорожником, вела через харбоузные и подсолнечниковые застройки. На самом низу лоснились на солнце кочаны капусты, в разные стороны тянулись огуречные побеги. Пахло сырьем и раздором на солнце ботвой.

Прасковья опустилась на высокий гребень, присела, прислонила спину на огорчную грязь. Тронул щершавые листья. С жестких цветов взлетела поздняя пыль. С образом. Он скользил на земле, как инока к земле второго голода, тем выше, какими же были самые облака, первый растет. А первым у них здорово Максим был. Синевом в третьей октаве тихо...

А кто же у вас лучше всех поет? — сказала Аватолий.

Прасковья Карпова задумалась, потом промолвила:

— Три брата их было. Иван, Максим и Артем Набатовы. Два баритона и тенор. А какие голоса красавицы! Запоют, бывало, «ех ты груст, ех ты груст», какими же были самые облака, первый растет. А первым у них здорово Максим был. Синевом в третьей октаве тихо...

А кто же и что же — братя?

— Ах да! Бывало, возвращаются с поля — поют. От самого Лысого хутора слышны. А до него, почтят, верстые четыре, а то и пять. Место на нас тут никакое. На погонах слышно иногда пароходы гудят, а напрямую от нас к

когда Андрей упомянул, что слет на ханкулу в Воронежскую область, в село Елань, — загорелись глаза ученого.

— Батенька мой, это же песенный край! Какая заманчивая поезда!

Седловский профессор поднялся из-за стола, резким движением руки отбросил книгу на высокие волосы и блестящем золотом очков, внимательно всматриваясь в стоящего перед ним студента.

— Жаль, — сказал он горячо, — что мне не довелось там побывать. — В Полоцкие было, почти весь север обследовал с экспедицией, края. Калевала пешком прошел, а вот на родине Пятницкого было не довелось. — Он открыл масштабные замки желтого портфеля.

— Проси вас, батенька, записываться, что довелось услышать. Вот я. Он выслушал Артема толстым голосом.

— Не поддавайтесь уговорам, молодой человек. К сожалению, этим летом еду на Кавказ. В будущем году можно с вами?

— Ради бога, — смутился студент.

Но до следующего года Артема Рыбникова не суждено было дожить. Он погиб в автомобильной катастрофе.

Тетрадь, которую Андрей подарил профессору, и начатая им — теперь была у Анатолия. Она почти наизнанку исписана, с акцентами, краем, нарисованными каштанами, песнями, воронежскими частушками-страданиями, пословицами, притчами, скорбными...

Просолов поднялся с земли, укрыл склону склону смокнула слезу.

— И что же потом?

Через месяц-полтора пропала бумага: Федор пропал без вести. А вокруг на Максима похоронку получили, и на Ивана вслед. Осунчался Артем, въехал в себя. Ушел. И с тех пор никто не знал, где он ушел на озера, где он умер. А вот как он умел на озерах делать такие переливы, от чего было и невыносимо тошнило, и до боли раздражало на сознание, — не знало.

Прасковья Карпова умоляла, укрыла склону смокнула слезу.

— И что же потом?

Через месяц-полтора пропала бумага: Федор пропал без вести. А вокруг на Максима похоронку получили, и на Ивана вслед. Осунчался Артем, въехал в себя. Ушел. И с тех пор никто не знал, где он ушел на озера, где он умер. А вот как он умел на озерах делать такие переливы, от чего было и невыносимо тошнило, и до боли раздражало на сознание, — не знало.

Просолов поднялся с земли, укрыл склону склону смокнула слезу.

— И что же потом?

Через месяц-полтора пропала бумага: Федор пропал без вести. А вокруг на Максима похоронку получили, и на Ивана вслед. Осунчался Артем, въехал в себя. Ушел. И с тех пор никто не знал, где он ушел на озера, где он умер. А вот как он умел на озерах делать такие переливы, от чего было и невыносимо тошнило, и до боли раздражало на сознание, — не знало.

Просолов опустился на высокий гребень, присела, прислонила спину на огорчную грязь. Тронул щершавые листья. С образом. Он скользил на земле, как инока к земле второго голода, тем выше, какими же были самые облака, первый растет. А первым у них здорово Максим был. Синевом в третьей октаве тихо...

А кто же у вас лучше всех поет? — сказала Аватолий.

Прасковья Карпова задумалась, потом промолвила:

— Три брата их было. Иван, Максим и Артем Набатовы. Два баритона и тенор. А какие голоса красавицы! Запоют, бывало, «ех ты груст, ех ты груст», какими же были самые облака, первый растет. А первым у них здорово Максим был. Синевом в третьей октаве тихо...

А кто же и что же — братя?

— Ах да! Бывало, возвращаются с поля — поют. От самого Лысого хутора слышны. А до него, почтят, верстые четыре, а то и пять. Место на нас тут никакое. На погонах слышно иногда пароходы гудят, а напрямую от нас к

НОВОСТИ

НОВОСТИ

ШКОЛЫ

Доли — восемнадцать верст.

— Километров? — удивился студент.

— Да, — подтвердил юноша. — А вот когда Иван с Максимом забрались в лес, я был большой, кончилась им пеши. После Артем лез сзади, когда проводил братьев. Особенно кручинился по старшему. Тот у них за отца был. Бывало, пасет волей за левадою, а сам поет — послушаешь: сердце разрывается. До чего же жалостно!

— Батенька мой, это же песенный край! Какая заманчивая поезда!

Седловский профессор поднялся из-за стола, резким движением руки отбросил книгу на высокие волосы и блестящем золотом очков, внимательно всматриваясь в стоящего перед ним студента.

— Особено люблю я, когда он выходит: «Ох, на кого ты спохидашь». Слезы наворачиваются на глазах, и синева воли выдастся в глазах ученого.

— Батенька мой, это же песенный край! Какая заманчивая поезда!

Седловский профессор поднялся из-за стола, резким движением руки отбросил книгу на высокие волосы и блестящем золотом очков, внимательно всматриваясь в стоящего перед ним студента.

— Особено люблю я, когда он выходит: «Ох, на кого ты спохидашь». Слезы наворачиваются на глазах, и синева воли выдастся в глазах ученого.

— Батенька мой, это же песенный край! Какая заманчивая поезда!

Седловский профессор поднялся из-за стола, резким движением руки отбросил книгу на высокие волосы и блестящем золотом очков, внимательно всматриваясь в стоящего перед ним студента.

— Особено люблю я, когда он выходит: «Ох, на кого ты спохидашь». Слезы наворачиваются на глазах, и синева воли выдастся в глазах ученого.

— Батенька мой, это же песенный край! Какая заманчивая поезда!

Седловский профессор поднялся из-за стола, резким движением руки отбросил книгу на высокие волосы и блестящем золотом очков, внимательно всматриваясь в стоящего перед ним студента.

— Особено люблю я, когда он выходит: «Ох, на кого ты спохидашь». Слезы наворачиваются на глазах, и синева воли выдастся в глазах ученого.

— Батенька мой, это же песенный край! Какая заманчивая поезда!

Седловский профессор поднялся из-за стола, резким движением руки отбросил книгу на высокие волосы и блестящем золотом очков, внимательно всматриваясь в стоящего перед ним студента.

— Особено люблю я, когда он выходит: «Ох, на кого ты спохидашь». Слезы наворачиваются на глазах, и синева воли выдастся в глазах ученого.

— Батенька мой, это же песенный край! Какая заманчивая поезда!

Седловский профессор поднялся из-за стола, резким движением руки отбросил книгу на высокие волосы и блестящем золотом очков, внимательно всматриваясь в стоящего перед ним студента.

— Особено люблю я, когда он выходит: «Ох, на кого ты спохидашь». Слезы наворачиваются на глазах, и синева воли выдастся в глазах ученого.

— Батенька мой, это же песенный край! Какая заманчивая поезда!

Седловский профессор поднялся из-за стола, резким движением руки отбросил книгу на высокие волосы и блестящем золотом очков, внимательно всматриваясь в стоящего перед ним студента.

— Особено люблю я, когда он выходит: «Ох, на кого ты спохидашь». Слезы наворачиваются на глазах, и синева воли выдастся в глазах ученого.

— Батенька мой, это же песенный край! Какая заманчивая поезда!

Седловский профессор поднялся из-за стола, резким движением руки отбросил книгу на высокие волосы и блестящем золотом очков, внимательно всматриваясь в стоящего перед ним студента.

— Особено люблю я, когда он выходит: «Ох, на кого ты спохидашь». Слезы наворачиваются на глазах, и синева воли выдастся в глазах ученого.

— Батенька мой, это же песенный край! Какая заманчивая поезда!

Седловский профессор поднялся из-за стола, резким движением руки отбросил книгу на высокие волосы и блестящем золотом очков, внимательно всматриваясь в стоящего перед ним студента.

— Особено люблю я, когда он выходит: «Ох, на кого ты спохидашь». Слезы наворачиваются на глазах, и синева воли выдастся в глазах ученого.

— Батенька мой, это же песенный край! Какая заманчивая поезда!

Седловский профессор поднялся из-за стола, резким движением руки отбросил книгу на высокие волосы и блестящем золотом очков, внимательно всматриваясь в стоящего перед ним студента.

— Особено люблю я, когда он выходит: «Ох, на кого ты спохидашь». Слезы наворачиваются на глазах, и синева воли выдастся в глазах ученого.

— Батенька мой, это же песенный край! Какая заманчивая поезда!

Седловский профессор поднялся из-за стола, резким движением руки отбросил книгу на высокие волосы и блестящем золотом очков, внимательно всматриваясь в стоящего перед ним студента.

— Особено люблю я, когда он выходит: «Ох, на кого ты спохидашь». Слезы наворачиваются на глазах, и синева воли выдастся в глазах ученого.

— Батенька мой, это же песенный край! Какая заманчивая поезда!

Седловский профессор поднялся из-за стола, резким движением руки отбросил книгу на высокие волосы и блестящем золотом очков, внимательно всматриваясь в стоящего перед ним студента.

— Особено люблю я, когда он выходит: «Ох, на кого ты спохидашь». Слезы наворачиваются на глазах, и синева воли выдастся в глазах ученого.

— Батенька мой, это же песенный край! Какая заманчивая поезда!

Седловский профессор поднялся из-за стола, резким движением руки отбросил книгу на высокие волосы и блестящем золотом очков, внимательно всматриваясь в стоящего перед ним студента.

— Особено люблю я, когда он выходит: «Ох, на кого ты спохидашь». Слезы наворачиваются на глазах, и синева воли выдастся в глазах ученого.

— Батенька мой, это же песенный край! Какая заманчивая поезда!

Седловский профессор поднялся из-за стола, резким движением руки отбросил книгу на высокие волосы и блестящем золотом очков, внимательно всматриваясь в стоящего перед ним студента.

— Особено люблю я, когда он выходит: «Ох, на кого ты спохидашь». Слезы наворачиваются на глазах, и синева воли выдастся в глазах ученого.

— Батенька мой, это же песенный край! Какая заманчивая поезда!

Седловский профессор поднялся из-за стола, резким движением руки отбросил книгу на высокие волосы и блестящем золотом очков, внимательно всматриваясь в стоящего перед ним студента.

— Особено люблю я, когда он выходит: «Ох, на кого ты спохидашь». Слезы наворачиваются на глазах, и синева воли выдастся в глазах ученого.

— Батенька мой, это же песенный край! Какая заманчивая поезда!

Седловский профессор поднялся из-за стола, резким движением руки отбросил книгу на высокие волосы и блестящем золотом очков, внимательно всматриваясь в стоящего перед ним студента.

— Особено люблю я, когда он выходит: «Ох, на кого ты спохидашь». Слезы наворачиваются на глазах, и синева воли выдастся в глазах ученого.

— Батенька мой, это же песенный край! Какая заманчивая поезда!

Седловский профессор поднялся из-за стола, резким движением руки отбросил книгу на высокие волосы и блестящем золотом очков, внимательно всматриваясь в стоящего перед ним студента.

— Особено люблю я, когда он выходит: «Ох, на кого ты спохидашь». Слезы наворачиваются на глазах, и синева воли выдастся в глазах ученого.

— Батенька мой, это же песенный край! Какая заманчивая поезда!

Седловский профессор поднялся из-за стола, резким движением руки отбросил книгу на высокие волосы и блестящем золотом очков, внимательно всматриваясь в стоящего перед ним студента.

— Особено люблю я, когда он выходит: «Ох, на кого ты спохидашь». Слезы наворачиваются на глазах, и синева воли выдастся в глазах ученого.

— Батенька мой, это же песенный край! Какая заманчивая поезда!

Седловский профессор поднялся из-за стола, резким движением руки отбросил книгу на высокие волосы и блестящем золотом очков, внимательно всматриваясь в стоящего перед ним студента.

— Особено люблю я, когда он выходит: «Ох, на кого ты спохидашь». Слезы наворачиваются на глазах, и синева воли выдастся в глазах ученого.

— Батенька мой, это же песенный край! Какая заманчивая поезда!

Седловский профессор поднялся из-за стола, резким движением руки отбросил книгу на высокие волосы и блестящем золотом очков, внимательно всматриваясь в стоящего перед ним студента.

— Особено люблю я, когда он выходит: «Ох, на кого ты спохидашь». Слезы наворачиваются на глазах, и синева воли выдастся в глазах ученого.

— Батенька мой, это же песенный край! Какая заманчивая поезда!

Седловский профессор поднялся из-за стола, резким движением руки отбросил книгу на высокие волосы и блестящем золотом очков, внимательно всматриваясь в стоящего перед ним студента.

— Особено люблю я, когда он выходит: «Ох, на кого ты спохидашь». Слезы наворачиваются на глазах, и синева в

НА ШИРОКОЙ ОБЛАСТИ

Хохольский династия животноводов

Дочь Ольга Максимовна Сонина иногда спрашивает свою мать Аину:

— Поможешь мне сегодня на ферме?

Очень же, с удовольствием отвечала та.

Аина постепенно втиснулась в работу, стала практиковаться на МТФ по упаковке. А когда маты ушли на заслуженный отпуск, дочь заняла ее место. Сегодня на ферме она трудится вместе со своей мамой и бабушкой Аиной. Здесь же 35 лет вест бесконечную историю их отечества. Петер Григорьевич Сонин, рядом работают братья Николай и Василий, жены братьев Аина и Зинаида. Так на МТФ сложилась семейная династия животноводов.

Недавно вышедшая Ленинградская сельскохозяйственная научно-исследовательская лаборатория животноводства и физиологии Николина провела форум тематический вечер «Наши держат развитие», посвященный достижениям животноводческой динамики.

АГИТЕРИГАДА НА ФЕРМЕ

В обиходный первый раз на центральную молочную ферму колхоза «Тихий Дон» пришли участники агитационно-художественной бригады Гремячского сельского Дома культуры. Их выступление было приветствовано в честь победителей сельскохозяйственного союзования по итогам текущей пятилетки. Лучшим животноводом была посвящена песня, стихи, интермедиа, хореографические и музыкальные номера.

Доктор и скотники дружными аплодисментами приветствовали участников художественной самодеятельности: работников колхозного Совета Всех Колхозов, Октябрьского Суздальского, Ленинградского района, выпускниц средней школы С. И. Хрипунова, библиотекаря Л. Т. Таракановой, директора музыкальной школы В. Н. Шарову.

КЛУБНЫЙ ДЕНЬ

Василий Александрович Чечулин раньше работал учеником местной восемилетней школы, а теперь возглавляет Аксаринский сельский клуб. На днях он провел первый клубный день на отдаленной молочнотоварной ферме колхоза имени Кирова.

НА СЕЛЬСКИХ МАРШРУТАХ

Учреждения культуры района принимают активное участие в работе четырех информационно-пропагандистских групп: районного комитета культуры, специальных соединений для того, чтобы пропагандировать среди работников животноводческих ферм материалы лебедянского (1977 г.) Пленума ЦК КПСС и всесоюзной сессии Верховного Совета СССР.

Агитационно-художественные бригады районного, Семилукского и Староникольского сельских домов культуры, Гремячской детской музыкальной школы побывали не только в молочнотоварных фермах колхозов имени XXII партсъезда, «Первое мая», «Большевик», «Тихий Дон».

Впереди — новые маршруты: колхозы имени Ленина, «Путь к коммунизму», «Красное знамя», «Восход», И. Шахид, заведующий районным отделом культуры.

Воронежский Дом моделей. Пальто, плащи, платья и многое другое, созданное здесь, находят большой спрос на предприятиях легкой промышленности более чем десяти областях страны.

На последнем Всесоюзном методическом совещании все 77 моделей комплектной одежды, представленные на суд жюри воронежцами, были удостоены высоких оценок и большинство из них было рекомендовано для внедрения в промышленность.

Большая заслуга в этом успехе художников организации Н. В. Валиковой, Г. Г. Комовой и Н. П. Кузнецовой (на правом нижнем снимке). А вспоминают задуманное в жизни золото.

• На взгляд фельетониста

ДЫРЯВЫЙ КАРМАН

Как-то Е. А. Блинова искала в свой карман и обнаружила там большую дырку. Ахнула. В дырку провалились новая плащ и губная помада.

Вроде бы и винтики, а все-таки жалко.

Совсем ведь.

Бывокин Андреевна моментально пришла на подлежащие меры к прекращению утечки вещей: дырка в кармане была запита.

Проблизительно в то же время в воронежском гастроно-№ 168, который возглавляет А. Е. Блинова, обнаружилась большая дырка. Ахнула. В дырку юркнула рачка и побежала потягивать из губной помады?

Вот печаль! — сокрушился Митрофан Александрович. — Красивая была расческа, лишь вчера купила. Хоть и деньги небольшие, но никто, кроме жилья, втаптить не может.

Быть бы в магазине после двадцати часов закрывается, а калориферы продолжают гудеть, будто черти. Не успен. Жаль, что в это время не спят.

О горючими директр весь день первенчика и даже ночью спал плохо.

Однако он не оторвался: какого клина и ремонта?

— Вот какая же это экономия! — Какая же это экономия?

— А вот такая. Для того, чтобы отремонтировать калориферы, нужно вызывать мастера, а это расходы. И кроме того, потерянная электроэнергия.

Мои коллеги вспомнили, что мы вмешаемся в ходильную камеру, которая вот почти уже полгода стоит на улице у дверей нашего магазина. Если бы мы ее установи-

ли, она бы много энергии израсходила.

— Так какая же это экономия? — удивляются жильцы.

— Это же ценные оборудование и оно разбрасывается в разной упаковке. А если к порче имущества привнесут ту пользу, которую бы камера принесла, если бы работала, то цифра была бы весьма скромной.

Быльных домов, где расположены магазины, в общем правильно оценивают ситуацию. Суммы на бесполезности набегают довольно крутыми. А что значит эти деньги в сравнении с потерянными плащами и губной помадой? Но эти меры не помогают. Время от времени клиент делает попытку и стечением залитым грязной водой ремонта.

Быть бы с карманом в пижаме случилась и у директора Воронежского комбината хлебопродуктов № 1. А. Петесова. В дырку юркнула расческа и безадресно потерялась.

— Вот печаль! — сокрушился Митрофан Александрович.

— Красивая была расческа, лишь вчера купила. Хоть и деньги небольшие, но никто, кроме жилья, втаптить не может.

Однако он не оторвался:

— Какая же это экономия?

— А вот такая. Для того,

чтобы отремонтировать калориферы, нужно вызывать мастера, а это расходы. И кроме

того, потерянная электроэнергия.

Мои коллеги вспомнили, что мы вмешаемся в ходильную камеру, которая вот почти уже полгода стоит на улице у дверей нашего магазина. Если бы мы ее установи-

ТВОРЦЫ МОДЫ

Слева руки портных Дома моделей. Пальто, плащи, платья и многое другое, созданное здесь, находят большой спрос на предприятиях легкой промышленности более чем десяти областях страны.

На снимке слева — художественно-технический совет за обсуждением новой модели.

Фото В. Петрована.

Фото В. Петрована.

• Новые книги

СЛОВО О НАРОДНОМ ПОЭТЕ

Есть поэтические строки, которые входят в наше сознание с юных лет и поминаются всю жизнь. Кто, например, с самого раннего детства не знал стихи:

Не шуми, ты, рожь,
Сибирь колосом!

Ты не яйцо, косарь,
Пришире степь...

А кто не помнит этих взволнованных строк, привнесенных к борьбе за свободную и лучшую жизнь:

Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль птицы ему
Все заканчены?

Все эти стихи принадлежат первому нашему земляку, выдающемуся русским поэтом-драматургом Алексею Васильевичу Кольцову, сыну позиции стала своеобразной художественной и нравственной школой для многих поколений. Его поэзия — родной язык, родная мать. Это залог в могучую силу своего народа. Это залог и свободы. Стихи Алексея Кольцова влекут нас в родные дали, в поля и дуги, в зелень лесов, в прозрачную прелест рассказов и загадливый драмы. Оничат любить свой край, свою землю, свой труд.

Великая поэтическая наследие Кольцова.

Сотни песен, романов на слова поэта, десятки изданных книг, выдержавших более двухсот изданий. Сбылись пророческие слова великого критика-демократа В. Г. Белинского, который говорил: «И придет времена, когда поэзия Кольцова, эта поэзия, которая вспыхнет в сердцах народных, будет жить на всем пространстве Белой Руси».

— поэтическое наследие Кольцова, — величайшее наследие русского народа. Она получила всенародное признание и прочно вошла в сокровища русской классической литературы. Ответя на вопрос, будет ли жить поэзия Кольцова в 2068 году, Н. Скатов пишет, что «это во многом определяется тем, как живет и чем будет жить она сегодня». И как бы подтверждая свою мысль о жизненности творчества Кольцова, в конце книги подчеркивается ее отеческими высказываниями поэта: «...убедите же, что живут русские земли. Кольцов жил и в наше время».

После Алексея Васильевича Кольцова — поэтическое наследие Кольцова, — величайшее наследие русского народа. Она получила всенародное признание и прочно вошла в сокровища русской классической литературы. Ответя на вопрос, будет ли жить поэзия Кольцова в 2068 году, Н. Скатов пишет, что «это во многом определяется тем, как живет и чем будет жить она сегодня». И как бы подтверждая свою мысль о жизненности творчества Кольцова, в конце книги подчеркивается ее отеческими высказываниями поэта: «...убедите же, что живут русские земли. Кольцов жил и в наше время».

Кольцов жил и в наше время».

Когда Н. Скатов пишет, что «это во многом определяется тем, как живет и чем будет жить она сегодня». И как бы подтверждая свою мысль о жизненности творчества Кольцова, в конце книги подчеркивается ее отеческими высказываниями поэта: «...убедите же, что живут русские земли. Кольцов жил и в наше время».

Кольцов жил и в наше время».